

**Елена
ТАРАСЕНКО**

**СОЛО
ВАЛТОРНЫ**

Оренбургские
ПОЭТЫ

ЕЛЕНА ТАРАСЕНКО

СОЛО ВАЛТОРНЫ

Стихотворения

Оренбург 2016

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
Т 19

Эта книга издана при поддержке
правления Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
Т 19

Елена Тарасенко. Соло валторны.
Стихотворения. – Оренбург: Издательский центр
МВГ, 2016. – 56 с.

© Елена Тарасенко, стихи, 2016 г.
© Оренбургское региональное отделение
Союза российских писателей, серия, 2016 г.

**Из цикла
«Тревога и достоинство»**

Защитникам

От беды, клеветы, печали,
От неверия в чудеса
Сотни раз меня защищали
Ваши прочные голоса —

И удерживали от гнева,
На крылатых мчась лошадях,
Вырастая справа и слева
На ристалищных площадях,

Восклицая там, где немеют,
Жизнь латая мне и кроя...
Пусть за всё это, как умеет,
Защитит вас любовь моя.

Патетическое танго

*Памяти Б. Пастернака
и в честь ему подобных*

Горел костёр, и дирижировала зноем
Ладонь оранжевая, гибкая, как флаг.
Немецкий город выросстал чумным Ханоем
Перед студентом, покидающим свой фланг.

Из переулков, криво тянущихся к сплетням,
Насилу выбравшись, он трясся и стонал.
Он некрасивым был и двадцатидвухлетним.
Карандашу не так велик любой пенал,

Как был велик ему чужой сюртук. Отличник
Расстался вскоре с философским толчком.
Хоть полагали, будто он резной наличник,
Но оказался он распахнутым окном.

Расчёту чуждый и в пургу служивший вешкой,
Он был затравлен. Но рассыпался навет;
Теперь двойник мерцает давнею усмешкой,
Скользящим шагом проходя через рассвет.

Замысловатый взмах запальчивого слова,
Гуденье дуг надбровных, гулкая гортань,

И нежность та же, и нюансы, и основа.
Твердить, что всё переменялось, перестань,

Ведь смену стилей не усвоят анонимки,
Назло доносчикам откажутся дряхлеть
Широкоглазое лицо на фотоснимке
И озорного мозга солнечная клеть.

Как негодующий поэт из мезонина,
Вновь ливень выскочит из сочных облаков,
И станет глянцевого витая мешанина
Густых волос под дробью мокрых кулаков.

Есть эталон высоколобного дикарства.
Те, кто с ним вровень, наловчились вычитать
Покой из жизни, поправляться без лекарства
И на заре баллады дворнику читать;

Они по улицам блуждают всепогодно
С бесценной книгой в замызганном мешке,
Сопротивляются всему чему угодно
И покоряются беспомощной руке.

Плечо продавлено ремнём тяжёлой сумки;
Слетает с губ: «Не знаю как, но я пойду».
Какие умники, какие недоумки —
Вы, без коньков стремглав бегущие по льду!

Но, вязким воском налипая вам на дёсны,
Томится голос, ждут тетрадные листы,
И в щепки рубят сокрушительные вёсны
Последний спуск с неумолимой высоты.

Девятое августа

Без пирамид и колесниц
Отцарствовал июль.
Аптечным запахом ресниц
И звяканьем кастрюль

Оповещали о своём
Рождении те дни.
Мой август, алый окоём
До звона натяни!

Я своенравный корабел,
Не видевший морей.
Ты ослепительный пробел
В учёности моей.

На радость сеющим молву —
Ничто их не проймёт! —
Я опрометчиво живу
И годы напролёт

Любуюсь степью и тобой,
Зрачком и чабрецом,
Архитектурной художбой,
Графическим лицом,

Что ворвалось и в явь, и в сны,
Базаром в городке,
Инакомыслием весны
И буквами в строке.

Я сознаю, что я чужак.
Тем проще поутру
Свой незастёгнутый пиджак
Раскрылить на ветру.

Мои насмешки стали злей,
Но ненависти нет;
Любовь всё горше и взрослей:
Ей восемнадцать лет.

Она нещадна, ибо яд,
И до того всерьёз,
Что каждый день глаза болят
От непролитых слёз.

Поверив, будто я взлечу,
Окрашенные хной
Две осени, плечом к плечу,
Маячат предо мной.

Одну себе вообразу,
Другую проживу;
Одна подобна витражу,
Другая наяву:

Набита сором, как сарай,
И желчнее, чем та.
Скорей мечтателя карай,
Рисковая мечта!

Осталось переждать чуть-чуть,
Нырнув в древесный хруст.
Дождаться. И густая суть
Стечёт с усталых уст,

И, выпрямившись во весь рост,
Отказываясь красть,
Заголосит, как хрипый дрозд,
Несбыточная страсть.

Непросящие

Понимая, что всех нас когда-либо бросят
В соответствии с книгой аббата Прево,
Бродят торными тропами те, кто не просят
Ни звонков, ни любви — вообще ничего.
Чистым играм верны до последнего гейма,
Среди гвалта они милосердно молчат,
А на душах у них — золотистые клейма,
По которым такие же их отличат.

Их не ждёт Неверлэнд, не чарует Малхолланд,
И уж если им надо до цели дойти —
Ни алкаш, ни маньяк, ни рекламщик, ни Воланд
Не рискнут останавливать их на пути.
Поддержать, повоспитывать, даже понянчить —
Могут. Ласково хлеб тебе в руку кладут.
Запрещается ныть. Запрещается клянчить.
Ибо «сами предложат и сами дадут».

Ежевичное варенье

Он стоял, от счастья тая,
Бормоча и чуть дрожа,
То ли Тютчева читая,
То ли тихо ворожа,
Отуманен вдохновеньем,

Банку с редкостным вареньем,
Словно канделябр, держа.

Как ни странно, мысли были
Не про сумрачный Рифей,
Не про «Травиату» или
Прерафаэлитских фей,
Не про Лира, не про Банко,
А про то, что дура банка
Не вмещается в портфель.

Он понёс её отдельно;
Дома выронил из рук.
Патетичный запредельно,
У CD усилил звук,
Чтоб, блаженно цепенея
Под «Дидону и Энея»,
Ждать, когда заглянет друг —

Тот, чьё праздничное имя
Отрицает адюльтер,
Кто всегда считал своими
И галёрку, и партер,
Весельчак, былой соперник,
Пышнокудрый, как Коперник,
Востроглазый, как Вольтер.

Двадцать лет сиявший рядом,
Он влетел, легко одет,
Обозвал унынье ядом
И увидел серый плед,
Люстры щедрое горенье,
Ежевичное варенье,
Чай и несколько галет.

Гость, не бей хозяйский столик...
Быстрый, звонко-заревой,
Непокорный трудоголик,
Восхитительно живой,
Ты по-прежнему смеёшься:
«Генри Пёрселл, что ж ты вьёшься
Над моею головой?»

А хозяин, ввысь глядящий,
Сжав очки в худой руке, —

Будто спаниель скорбящий
На коротком поводке.
Хоть они и антиподы,
Оба — чудеса природы,
Оба — в дальнем далеке...

В них — единство корневое
И контраст случайных черт.
Ночь. Чаи гоняют двое
Под классический концерт:
Триумфально златоглавый —
И застенчиво-чернявый,
Экстраверт и интроверт.

И вдвоём едят варенье
Эти скромные цари,
Чьих-то разумов прозренья,
Чьих-то душ поводыри;
И никто из них не хуже:
Первый светится снаружи,
У второго свет внутри.

Обращение к ветру

Тому, кто помог

Ты вхож на небо, влит в моря,
В полях затерян.
Свобода горькая моя —
Твоя затея.

Неугомонен, как пророк,
Незрим, как Китеж,
Ты, не ступая за порог,
Меня похитишь.

Я ринусь за тобою вслед,
Смешно и грозно,
Сниму и перстень, и браслет,
Чтоб сесть за красна.

Я не раба, я просто друг.
Хоть жизнь и треплет,
Сто лет назад прошёл испуг;
Остался трепет.

Не греет солнца чистый лик,
Но света — вдоволь.
Я оплатила каждый блик,
Мой рыцарь вдовый.

Верни мне страх, бесстыжий тать,
А солнцу — пятна!
Не объясняй мне, как летать:
И так понятно...

Дон Кихот, век двадцать первый

Подобное было не раз и не два:
В шута превращали атланта,
Мельчали идеи, сгнивали слова,
На бойню вели Росинанта.

Мы воду несём — а в руках решето,
На сердце тревога и смута;
Но те, кто не верят уже ни во что,
Стремятся поверить кому-то.

В чужих подсознаниях, как в рощах, брожу
(Порой — как по минному полю),
Любим дорожу, за любого дрожу, —
И лишь помыкать не позволю.

Мы будем стараться. Читая Басё,
Терпенье и время откроем...
Меняется всё. Заменяется всё.
Дай бог не меняться героям.

Пара дюжин

Штормовая мощь в твоём крыле —
А кому ты нужен?
Таковых найдётся на земле
Только пара дюжин.

Голос твой, архангельски трубя,
Нёсся ввысь в хорале;

Пара дюжин слушала тебя —
Остальные жрали.

Если будут честь твою кромсать,
В самый мозг укусят,
Пара дюжин кинется спасти —
Остальные струсят.

Но когда обрушится редут
И миры оглохнут,
Пара дюжин в вечность перейдут —
Остальные сдохнут.

Сочувственный романс

Прошуми ты, речь моя, спелым колосом,
Будь смела, не утаив ничего.
Жил певец-музыковед с низким голосом,
Поголовно все влюблялись в него.

Ум и воля не любого обрадуют:
Слабонервных устрашают они.
Вы с добром к ним — они в обморок падают!
Или стонут: «О, Мессия, взгляни!»

Да не надо ему вскриков молитвенных,
Экстатически заломленных рук!
Без того душа в рубцах вся да в рывтинах,
Так ещё и эти вопли вокруг...

Я умею всем вручать по букетику,
Но вложу, свой укрощая огонь,
Белой лилией расцветшую этику
В чуть дрожащую стальную ладонь.

Физически

Високосного года неспешный рассказ,
Чей-то взгляд оловянный...
Вам физически больно. Вот прямо сейчас,
В этот миг окаянный.

Хоть столичный бомонд и плебейская глушь
Верещат малахольно, —
Вас не тянет испить ни из чаш, ни из луж:
Вам физически больно.

Хоть сверкают глаза, хоть поётся «Mein gott»
Океанам и почвам, —
Вам физически больно. Седьмой уже год.
Я не в силах помочь Вам.

Вы стоите, как стоик, а чуть в стороне
Слышен шёпот фискальный.
И физически больно становится мне,
Мой близнец зазеркальный.

На крови

Надобен толк, и надобен след —
Дивный притом, раз уж время потрачено.
Но от Хеопса до нынешних лет
Всякое чудо кровью оплачено.

Так и талант, что вихря вольней,
Горше полыни, страшней звероящера,
Не пощадит нас, к Голгофе своей
Приговорив любого творящего.

Странностей яркая скорлупа,
Фатум избранника, шрам «не таковского» —
У Микеланджело и Петипа,
У Левитана и Маяковского.

Кровью не плотской, сидя в тиши,
Можно истечь без креста и палачества;
Кровоточивость великой души —
Это её главнейшее качество.

Но поутру по алой заре,
Занавес туч отодвинув свисающий,
Гений пошастает, как во дворе,
Непобедимый и воскресающий.

Какого чёрта снова порядка я ищу
В асимметричном мире, скользящем по дуге?
Не проще ли освоить Давидову пращу
И написать «Всех на фиг!» на сладком пироге?

А Скарамуш успеет и станцевать, и взвзвить,
Он понял: нет резона бумаги подшивать.
...То «Маппет-шоу» грянет, то «Быть или не быть»,
Но нам и так и эдак придётся выживать.

Этюд по мотивам песни «Delilah»

На плацдарме звукового файла
Плещется кровавая баллада,
Рассекаясь возгласом «Дилайла!»...
Будем справедливыми, не надо
Вить душеспасительные басни,
Буйно порицать, смущённо охать:
То, что натворил он, не ужасней,
Чем её предательская похоть.

Зрительницы знают: страсть плачевна;
Каждая украдкой несчастна,
Многих предавали ежедневно,
Некоторых — даже ежечасно.
Выход может выглядеть двояко:
Конвульсивный бунт или опора —
Кисть, перо поэта либо якорь
Кованого голоса из Хора.

Тенору

Вновь в бою вокальный спецназ,
Слава свету!
Восхвалять в миллионный раз —
Смысла нету,
Ведь убог дифирамб любой,
Как уродец.
Оставайтесь самим собой,
Полководец.

Удержите, друзья, мою
Горе-крышу!
Я исправно во фронт встаю,
Вечно слышу
То ли арию, то ли гимн
Небывалый,
И возносится георгин
Нотой алой.

Больная весна

Отбросив скорби ношеную синь
И радостей замасленные клочья,
Как далеко уводит от трясин
Весеннее лихое худосочье!

Кто чист, как хирургическая нить,
Тому легко привыкнуть к нездоровью.
А малокровье просто объяснить:
Мы столько строк записывали кровью!

То свешиваясь в лестничный пролёт,
То в каменную кладку лбом вжимаясь,
Мы знали, что немало слёз прольёт
Над нами враг, жалея и жеманясь.

На облачном ажурном ремешке
Точились звуки древнего клавира;
Проталиной на книжном корешке
Казалась фиолетовая лира.

Прикрикнув на лавину искр: «Уйди!»,
Ты, мой рассудок, выглядишь невежей.
Упрямый голос хлещет из груди,
Захлёбываясь оттепелью свежей.

Он жил во время вихрей и вихров,
Он для иной эпохи непригоден;
Его владелец болен, длиннобров,
Сквозь стон смеётся и всегда свободен.

И этот голос светится насквозь,
И диковатые глаза лучатся.

Озноб горячий бьёт земную ось;
Всё бред, и ни за что нельзя ручаться.

Смертельней, чем разящая стрела,
И неотступней умственного жженья
Тембр ливня, интонация крыла,
Вось мартовского головокруженья.

Весну шатает. На её плечах
Линяющая снеговая ферязь.
Пусть в города влетают на грачах
Веселье и раскатистая ересь —

Нет сил чего-то истово хотеть.
Но всё ж у марта хватит воли, чтобы
Хрустальными перстами прохрустеть
И навзничь пасть в гниющие сугробы.

Предпоследний

Ты бесшумно пересёк границу мифа
Твёрдой поступью российского Сизифа;
Полукровка, внук провидца, искус летний,
Сколько помню я тебя — ты предпоследний.

В сотнях перечней дотошно-алфавитных,
И в хоробах, и в халупах глинобитных,
В холод, в зной, вдали, вблизи, в любые годы —
Ты второй с конца; ты вымершей породы.

Знаешь, обморок души моей, не стоит
Ждать, что ближний обоймёт и успокоит:
Понимает лишь поверженная Троя
Парадоксы предпоследнего героя.

Нам известно, что Ахилл, тупой и сытый,
Встанет Гектору на грудь пятой немойтой
И биение неистовое сдавит,
Но назад шагнуть никто нас не заставит.

Чудеса, в упор глядящие из бездны,
Убедительны, мудры и бесполезны:
Пусть хоть море закричит, хоть небо взвоят,
Но вперёд шагнуть никто нам не позволит.

Так и топчемся, мозоли натирая,
Так живём: средь величавого раздрая —
Тихо, доблестно, светло, остервенело.
Усмирительница наших тел Венера —

Не откормленная тётка в томной позе,
А тщедушная девчонка на морозе,
Голенастая, счастливая, слепая,
Ожидающая мизерного пая.

Ей достанется немного и немало:
Бытие от чердака и до подвала,
Интерьер привычный, весь в лесах и плёсах,
Да высокий потолок небес белёсых.

Свидание

Минус тянет к плюсу, корабль — к рейду,
Утомлённых — в Рим и Курган-Тюбе,
А меня, по дурости и по Фрейду,
Детские невзгоды влекли к тебе.

До того безгрешной была потреба,
До того правдивой — идея фикс,
Что казалось, мне подарили небо:
Альтаир, Капеллу и Беллатрикс,

Фомальгаут, Регул и Бетельгейзе —
Россыпью, как яркие леденцы,
И пульсаров вещей незримый гейзер,
И галактик тлеющие дворцы.

Но фортуна — скряга: уж коли дарит,
После обязательно отберёт.
Выброси замурзанный календарик,
Лгущий на четырнадцать лет вперёд,

Дневники надрывные выкинь тоже
И ступай гулять, исцелясь от скверн.
Старый ангел в бежевом макинтоше,
Жди меня у входа в любимый сквер.

Надеваю куртку, иду сдаваться,
Чтобы, ни секунды не тратя зря,

Глупо, лихорадочно целоваться,
Сидя на развалинах сентября.

Хорошо, что нет ни вина, ни брашна,
Ни гитарных чар, ни гримас луны, —
Только ветра гул. Нам легко и страшно.
Это раньше были мы ведуны,

Штукари, сообщники, побратимы,
Пламя воздымающие в горсти.
Стыд напрасен, годы необратимы;
Мы всего лишь Он и Она. Прости.

Два озябших тела на листьях палых,
Яростная нежность дрожащих губ,
Схватка рук, готически длиннопалых,
Под молдовеняску от «Здоб ши здуб» —

Вот и всё. А большего и не надо:
Грандиозно выглядит наша боль —
Наша издевательская баллада
О никчёмном подвиге добрых воль.

Зря в настое звёздном горчила Вега:
Мы, рыдая в голос, клялись молчать.
Я люблю великого человека —
Я не разрешу тебе измельчать.

Маленький панегирик

Неуничтожимым — слава и хвала:
Гневным, одержимым, бунтовавшим не со зла,
Тем, кто честно жили, знали боль сполна, —
Неуничтожимым ни в какие времена.

Неуничтожимым — слава и хвала:
Ни одним режимом всё ж не выжженным дотла,
Гордым и двужильным, нервным, как струна, —
Неуничтожимым ни в какие времена.

**Из цикла
«Мужским почерком»**

Прогноз

Однажды в скверную погоду,
Должно быть, в скользком ноябре,
Когда седеющему году
Бес, поселившийся в ребре,

Нашёптывает безрассудства,
Я сам себя взамен суда,
С усталых плеч стряхнув занудство,
Сошлю неведомо куда.

И возжелаю ненароком
Не только знать и понимать —
Чрез обмороки и мороку
До кромки счастья дохромать.

Остолбенеть близ этой грани
И вековать на сквозняке,
Жить, не притрагиваясь к ране
Неисцелимой, в лозняке

Шуршащих грызунов довольных
Не замечать, и быть в кругу
Своих улыбок добровольных,
И не зависеть! Не смогу...

Прощай, несбывшаяся ссылка!
Приветствую родной сумбур!
Он не оставит и обмылка
От нас, но будет так же бур.

Дым слов, бескрылых и летучих,
Густеет. — Как ты? — Всё никак!
А надо мною небо в тучах,
Как лик девичий в синяках.

От туч до плоскости асфальта
Мгла виснет, мелочи жуя,
И, словно взбугренная смальта,
Лежит мороза чешуя.

Я жизнь мою писал как очерк,
Хотя замыслил как сонет.

Взгляните: неразборчив почерк,
Но грязных строчек в тексте нет.

Неисправим и не подправлен
Косноязычный мой полёт;
Я наяву, я сроком сдавлен,
Передо мною гололёд.

Но в выцветшем осеннем свете
Я снова рвусь из-под охран,
Сквозь раскалённый жизни ветер
И мироздания буран.

Монолог приезжего

Перекрёсток, как крахмальный ворот,
Тесен и горяч. Почти полдня
Незнакомый милovidный город
Терпеливо смотрит на меня.

Вымазавшись солнцем и извёсткой,
Утопив щербатые углы
В зелени взъерошенной и хлёткой,
Азиатский, словно Кёр-оглы,

Он за мной следит, но не изучит.
Я непроницаем для молвы
И вхожу в когорту невезучих,
Оттого счастливее, чем вы.

Ветхий дом приподнимает вежды,
Оглушённый глиняным свистком,
И дикорастущие надежды
Рассекают камень лепестком.

Трогательно пыльный, бестолковый,
Весь из луж, ухабов и репья,
Этот город снял с меня оковы
И очистил память от тряпья.

Щурясь в небеса, легко шагая,
Так я шлялся лентами аллей,
Поданные руки отвергая
Ради непротянутой твоей.

Где цветы клубятся в клумбах пышно,
Встань, моя бродячая душа,
С наслаждением, глубоко, неслышно,
Вольно, беззастенчиво дыша!

Молодые взбалмошные годы
Истекли: стою на рубеже.
И впервые в жизни — миг свободы!
Значит, что-то кончилось уже.

Чтобы в мысль не ввинчивались свёрла,
Чтобы речь не стала пищей крыс,
Я срывал чужие руки с горла
И запястье собственное грыз.

Сколько душ смолосось в пересудах?
Сколько одолеет мёртвых лет
Бешено пылающий рассудок,
Не начав двоиться, как валет?

Не уймётся это полыханье,
Даже если будет впереди
Нищенское, рваное дыханье,
Треск полураздавленной груди.

Задушить ошейником из пальцев,
Оттащить подальше от беды
Вздорных неуживчивых скитальцев
Не пытайтесь. Тщетные труды!

Слишком твёрдо помнятся прорехи
В стенах, пыль на складке рукава,
Света золочёные орехи
И надежд строптивая трава.

Семидесятые

Узнай это время по сладким наливам
Больничных гостинцев, по стойкой тоске,
То мерзкой, как пьяная песня с подвывом,
То нервно-прекрасной, как пульс на виске.

Узнай своё детство в заштопанных шторах,
В ракушках, разложенных на простыне,

В колючих носках, согреваясь в которых
Ты будто идёшь босиком по стерне,

В конфетах, чудовищно названных «Радий»...
Чей праздник сегодня? Кто возраст сменил?
В морскую окраску весомых тетрадей
Вьедаются клейкие брызги чернил;

Держа авторучку почти как рубанок,
Ребёнок рисует, и сыплет рука
Орнамент из птиц, кораблей и цыганок
По чопорным клеткам пустого листка.

Себя узнаёшь ли? Мы вышли из кадра
В те годы, когда загноилась печаль
И листьев опальных носилась эскадра
В постылой воде. И, шума как пиццаль,

Вскипала мелодия, ринувшись в код;
Изящная мощь уступала тропу
Минорному буйству. Ударившись с ходу
Всем норовом об молодую толпу,

Плечом об косяк, челюстями об чашку,
Давясь отвращеньем к стенам неродным,
Я медленно стаскивал свитер в обтяжку,
Пролегли жгутами по сводам грудным.

О где ж ты, моя сокровенная кровля?
Был дом — но теперь там зияет прогал.
Смывает умы штормовая торговля,
А я не забыл ещё, как присягал

Озёрным оправленным в грунт кинескопам,
Бесстрашной досаде, бессонным садам
И ржавой жаре, филигранным синкопам,
Чью скоропись я разбирал по складам.

Просторы веселья, что стали мне тесны,
Прими в день рожденья от старшего «я».
Тебе ль не понять, до чего неуместны
Мы были и будем, легенда моя?

Свидания наши то реже, то чаще,
Жизнь наша не «благодаря...» — «вопреки...».

Возьми себе голос мой кровотокающий
И на выживание его обреки.

В колодезный август мы канули оба,
Чтоб небом студёным лицо освежить.
В провале веков цепенеет Ниоба:
Ей тоже в безвременье выпало жить.

Колышется пестрядь словес непробудных,
Шуршит не волна — подсинённый подзор.
Нам вместе сидеть на скамье неподсудных
За то, что мы порознь сносили позор.

С подноса сверкает подарочный роздых,
И всё-таки двое уйдут с торжества,
Шершаво-горчащего, словно листва,
Чтоб взламывать затвердевающий воздух.

**Из цикла
«На расстоянии»**

Письмо

Спасибо дням, стремящимся к весне
От зимней разутюженной скатёрки,
И шустрым искрам, расцветившим снег,
Как радуга, натёртая на тёрке.

Поклон тебе, надёжная вода:
Своей не прерывая круговерти,
Шумлива, вездесуща и горда,
Ты избавляешь от боязни смерти.

За звучный голос и за вольный нрав
Спасибо неуступчивому ветру,
Хранителю моих надежд и прав,
Импровизаций признанному мэтру.

Благодарю чистейший снежный наст
И гулкий воздух с ароматом сдобным,
Благодарю всё то, что не предаст,
Коль станете Вы слишком неудобным.

Как ты стара, непознанная новь,
И как же надо мною ты смеёшься,
Безжалостная, странная любовь!
Прощаю всё за то, что остаёшься

Рукой прохладной на горящем лбу,
Причудливым виолончельным скерцо,
Иглой, что чью-то вышила судьбу
На ткани моего скупого сердца.

Хоть ноет след от каждого стежка
И эту боль не выразить словами,
Но жизнь моя не может быть тяжка,
Ведь лишь она меня связует с Вами.

Мне суждено навстречу Вам бежать,
Распахивая двери, тычась в стены, —
И не достигнуть, и не удержать;
Вам — на границе вечности и сцены

Светиться сединой из темноты,
Обняв охапку рыжих георгинов.
Лицо как мел — и огненны цветы.
Пусть не коснутся Вас, навеки сгинув,

Ни пошлость мелочей, ни натиск бед.
Да будет больше счастья, нежел долг.
Мой свет в глазах, мой становой хребет,
Мы не увидимся. Живите долго.

Мост

Золотистая пыль уплывёт на последнем луче,
И окажется власть синевы безграничной и мудрой,
И ветра напоют кантилену в басовом ключе,
И покроется неба лицо фосфорической пудрой.

Изумлённая музыкой ветра, река задрожит,
И замрёт человек на мосту, постарев на мгновенье.
Отраженье луны на воде беспокойно лежит,
Но ему недоступно безмерное это волнение,

Что сжимает нам сердце, когда о любви говорим
Или слушаем голос, дорожке которого нету...
Потому что нам ясно, что миг этот неповторим,
Но жестокость условий таких не смущает планету.

Я не знаю названия грустной вечерней реки,
Я не вижу отчётливо, кто же стоит над водою,
Но могу догадаться, насколько тревожны зрачки
Чьих-то вдумчивых глаз, опалённых мечтой и бедою.

Несуразно откинута жёсткие плечи назад;
Перевитые жилами кисти костляво-венозные;
Веки словно припухли; печальный,
внимательный взгляд;
Ироничные губы и длинные, узкие ноздри.

Не могу, не колеблясь, сказать, это Вы или я:
Мы созвучье двух струн, навсегда разделённых
дорогой.

С Вашей горестной полуулыбкой светлеет моя
Суматошная жизнь, становясь акварельной и строгой;

Будто Ваша душа прорасти сквозь мою норовит,
Чтобы в такт трепетать им, терзаясь прекрасным
недугом,
Как в загадочной пьесе одной о бессмертной любви,
Где влюблённые и не обмолвились словом друг
с другом.

И меж нами незримый, но прочный, возводится мост,
И его за собою сжигать права я не имею,
И останется он под судейскими взорами звёзд,
Над рекой безымянной, испуганной тенью твоею.

Подтекст

(диалог)

Человек в телефонную трубку кричал
Сумасшедшие фразы, концы без начал.

Громок был разговор, как напрасный протест.
Это сказано не было. Это подтекст.

Он:

— Здесь зима угощает толчёным стеклом,
Стынет солнце, накрытое сизым чехлом,

Лето дарит мельканием потных рубаш
И штриховкою трещин на чёрных губах.

Глядя в лица людей, я не вижу их черт,
Ветром носит меня, словно драный конверт:

Дыбом волосы, сердце наполнено всклень,
Лёгкий плащ нараспашку, судьба набекрень.

Там, где воздух напором своим измождён,
Я глаза промываю сентябрьским дождём;

Тяжелеет и, взмокнув, сползает во мрак
Весь исчерканный кречетом синий чепрак.

В этот переполох я вживаюсь теперь
И в солёное небо над хрипом степей.

Она:

— Время высмуглист скулы на бледном лице,
И огонь уравнивает барак и лицей, —

Ты не сможешь вовек затеряться в гурьбе:
Поколение твоё по колено тебе.

Он:

— Не хвалите меня: я нелеп, как бельмо;
Не вбивайте словесное ваше клеймо

В череду пристыжѣнных увѣртливых лбов,
Ведь любому тарелки милее гробов.

Я ж отдам безмятежность цветных Украин
За метанье средь новорождѣнных руин,

Обменяю лесной родниковый глоток
На задиристый кашель в пятнистый платок.

Она:

— С темноликой Вселенной ведя диалог,
Внятных слов от неё ты добиться не мог.

Та, не зная ни грамоты, ни ремесла,
Лишь созвездьями, словно серьгами, трясла,

Скрежетала зубами, зазывно ярясь, —
Дробно сыпались звѣзды в зыбучую грязь.

Слабоумных валькирий, слезливых ундин
Рядом нет. Ты с простором один на один.

Там и плотская почва, и мощи мостов,
Там наотмашь по темени тусклых кустов

Бьѣт рябиновый всплеск, будто кнут ямщика,
И худее щеколды родная щека.

Сквозь закат в облаках золотого литья
Мы друг другу привидимся снова, ведь я

И от горя не рухну, а только качнусь,
Но от этой любви я уже не очнусь.

В ярком голосе — звоны разорванных корд,
Пальцы гневно берут оскорблѣнный аккорд,

На невидимых клавишах прочно держась,
В пустоту напролом, как под поезд, ложасть.

Истеричная радужность ладных судеб
Нас прельщает не больше, чем приторный хлеб;

Мы распишемся не вензелями в гербах,
А штриховкою трещин на чёрных губах.

Каникулярный вальс

*Рифмы друг от друга
Убежать не могут.*

Из письма

В мой календарь, облачившись в квадраты,
Входят стремительно юные даты;
Явственно слышен их ласковый гул
Сквозь новогодний могучий разгул.

Эх, что за дни! Все одиннадцать суток
Кашель выклёвывал грудь изнутри.
Выли соседи, мутило от шуток,
Кроткий будильник показывал три.

Чахлые дни приближения к счастью,
Дни награждения тысячной частью
От неизбежного. Как же скупы
Долгие праздники рьяной толпы!

Пахнет тухлятиной и москателью,
По небу ползает вялый салют,
Царственный кот под искусственной елью
Не одобряет взбесившийся люд.

Словно огни на выносливой стене,
Словно цветы на последние деньги,
Словно прерывистый вдох, в этот раз
Будут четыре подарка от Вас:

Облик без плоти, письмо без бумаги,
Цепь совпадений и пляс на краю.
Жгучий раствор безутешной отваги
Музыка выплеснет в память мою.

Долей, ладами и ритмом режима
Мы зарифмованы нерасторжимо.
Не прояснить ни чутью, ни уму,
Быть я должна благодарна чему:

Праведной наглости первого шага,
Чуду ли просто, сарказму судьбы ль?

Мир Вам, моя светлоокая сага;
Мир Вам, моя темноглазая быль, —

Хелм и Освенцим, Спиноза и Голем,
Радость в обнимку с сияющим горем,
Жажда и мудрость, свобода и гнёт,
Омут, привычка, отравленный мёд...

Раньше спасали бессмертные книги,
И «Дискобол» в бесконечном броске,
И причитающий голосом Игги
Магнитофон на чертёжной доске.

Нынче не так. Дева стала женою,
Ибо пора. Не единожды мною
Мысленно был воспеваем и клят
Ваш близоруко-рентгеновский взгляд.

Мы на мостах Ойкумены просторной
Ждём и ревнуем. На каждый сигнал
Я отзовусь удивлённой валторной,
Чтобы мой тембр Вас в краску вогнал.

Тысяча вёрст не околица в туре;
Чистую квинту на клавиатуре
Преодолею сама и приду,
Дабы усесться в почётном ряду.

Если воистину Вам не чужда я,
Значит, останусь опорой плечу,
Не умиляясь, не разубеждая;
Лишь на излёте июля вскричу:

«Вальса и дактиля ритм обоюдный,
Ты облегчи ему путь многотрудный,
Сделай победным сей каверзный спор!»
Пусть — спотыкаясь, не видя в упор,

Что там у прочих надето и снято,
Зычными нотами ярость глуша —
Мы уцелеем! Мы знаем, что свято.
Зрение. Разум. Родная душа.

Суггестия

Не брат, конечно же, не брат,
Хоть голос на двоих один.
В цейтноте заработков, трат
И подступающих седин
Грохочет человек-набат,
Родной безмерно — и не брат...
Душесмещение не грех,
Иначе я грешнее всех.

На Вы, конечно же, на Вы.
Годами! Можно лет до ста.
Вы, в миллионный раз новы,
Шагнёте с чистого листа,
Но залов неуёмных рвы
Предпочитают не на Вы,
А много проще. И тогда
Горим мы оба от стыда.

Не сон, понятно же, не сон:
Доходят письма, куплен шарф.
Вечерним воздухом несом,
Мощнее гроз, нежнее арф,
Вплывает контроктавы стон
В сознание моё. Не сон.
Но разве позволяет явь
К созвездиям подняться вplавь?

На миг, понятно же, на миг
Взгляну в глаза — и оттеснят.
Кадр, перекошенный как крик,
В полночной толчее отснят
И никому не нужен: блик
Размыл лицо. Пускай на миг,
Но я сумею про запас
Отчётливо *увидеть* Вас.

Навек, похоже, что навек
Вы — звук, я — Ваш реципиент
В обоих смыслах, имярек,
Не верящий ни в хэппи-энд,
Ни в расстоянья. Будет снег,
А после — зной, и так навек.
И точно так же, на века
Е.Т. равно Е.К.

**Из ранних
стихотворений**

Песня

Хоть в страданиях есть мрачная краса,
Мы горюем, не показывая вида;
Но просвечивает через голоса
Невесомая высокая обида.
После слов «Не уходите!» — не уйду.
Эта просьба день мой начисто растратит.
У меня четыре тополя в саду,
А для пятого земли уже не хватит.

Изнурённый мел в танцующей руке
На доске выводит путаную схему.
Мы обсудим комментарии к строке,
Опасаясь задевать иную тему.
Стёкла блещут, подоконники в золе;
Не пугайтесь: окон я не разбиваю.
У меня четыре книги на столе,
И я пятаю прочесть не успеваю.

От мучительно улыбчивых бесед,
От извилистых взаимных извинений
И от музыки, рыдающей с кассет,
Крепнет робость, полоумная, как гений.
Да зачем же я дверного скрипа жду?!
Отчего я не решаюсь постучаться?
У меня четыре времени в году,
Так что пятому среди мая не начаться.

Невозможно ни отвергнуть, ни принять
Укоризненную радость долгих взоров.
Не могу ни отшатнуться, ни обнять
И смеюсь над вязью меловых узоров.
Только тошно мне от бойкого клише
И тепло от неуверенного жеста.
У меня четыре шрама на душе,
Но и пятому рубцу найдётся место.

Апрель

Творятся несуразности,
Расплывчат солнца ком,
И день скупее разности,
Хотя набит битком.

Потоки с неба суетны;
Они, сбежав из тьмы,
Стекло исполосуют мне
Прозрачными плетьюми.

Природа обучается
Владению дождём,
И он в тот миг кончается,
Когда вхожу я в дом.

Канавы все — с претензией
На звание «арык»,
В чужом окне гортензией
Услышан влажный рык,

Что по двору разносится,
Внезапный, словно месть,
Как только капля бросится
На сумрачную жечь.

Сумятица влетела в сны,
Преображает день —
Осколочный и целостный,
В лучах, в грязи, в дожде.

О, сколько же нам прав дано
Весной! Она дерзка,
И ею всё оправдано:
Дурашливость, тоска,

Дыхание неровное,
Твоих бровей скачок,
Моё лицо бескровное,
Румянец чых-то щёк.

Оставь, апрель забывчивый,
Свой росчерк на снегу,
Размашистый и сбивчивый,
Как песня на бегу.

Жизнь

Он проходит через каждого из нас,
Хрупкой жизни одухотворённый ток,
И колотится в груди, с тобой сроднясь,
И нацелен на безжалостный итог.

Ты лишь тонкий и порывистый эскиз,
Только нитка из огромного холста.
Мир не из-за одного тебя прокис,
Не с одним тобой вернётся красота,

Но зависимость меж миром и тобой,
Строгой мерой время жизни охватив,
Не посмеет наугад вертеть судьбой,
Если ты не будешь в подлости ретив.

Содрогайся в горьком чувстве правоты
И мечи вокруг себя запал души.
Даже выучившись мыслить здраво, ты
Не коверкай свою правду, не кроши,

Ибо если изогнётся лъстиво рот,
Ты и сам свернёшься, как полукольцо,
И войдёшь незрячим в злой круговорот,
С человека соскребающий лицо.

И, когда подступит абсолютный ноль,
Не найдётся утешение в слезах —
Посетит тебя отчаянная боль,
Поздний стыд застынет в неживых глазах.

В жизни ценны дар один и дар другой:
Это путь, чтоб по нему с трудом шагать,
Это взгляд, невыразимо дорогой,
Пред которым ты не в силах будешь лгать.

Отрывок

Если вдруг я пойму, что истаял мой век, —
Прикажу своей памяти: «Выверь ты
Эту тяжесть крутых полумесяцев век
И кистей перехваты и выверты,

Уточни этот образ до нот, до штрихов
И впечатай в сознание старое,
Распустившее рой вольнодумных грехов
В суете, а не в страхе пред карою».

И поднимет меня света яркий удар,
Необузданный, свежий, как мята.
Раскидает сигналы бессонный радар,
Сообщая, что совесть не смята.

И возникнут вопросы: как нам уберечь
Наши души от рабской заразы?
Как начать восстанавливать разум и речь —
Ту, что съехала к уровню фразы?

Разуверясь в рассыпчатых, пресных словах,
Мы прониклись познаниями жуткими,
И бушуют идеи у нас в головах,
А ладони становятся чуткими.

И меня, как сцепление огненных лент,
Что снуют меж планетами с бойкостью,
Человеческий взгляд из промчавшихся лет
Обжигает страданьем и стойкостью.

Конфликт эпохи Ренессанса

«Сигизмунд Малатеста, тиран и захватчик,
На Флоренцию движется! Мы пропадём!» —
Говоря это, бледный вельможа-докладчик
Мелко трясся, и пот с него лился дождём.

Флорентийский правитель взглянул нелюдимо
И ответил, прижав к переносице лёд:
«Весть тревожна, опасность серьёзна и зрима,
Но у нас есть Джанноццо Манетти. Спасёт».

Наступает день битвы. Властителя свита
За почти безнадежный цепляется шанс:
Гуманиста, философа и эрудита
Отправляют спасать золотой Ренессанс.

И пошёл он, отлитый из бронзы и воска.
Поле. Полдень морящий. На поле враги.

И с одной стороны — полководец и войско,
А с другой — безоружные чудо-мозги.

Кто-то любит пиры, кто-то ценит спагетти —
Для Джанноццо наука важнее, чем хлеб.
«Добрый день, — обратился к тирану Манетти, —
Вы читали работу Платона «Филеб»?»

Сигизмунд, заморгав, посмотрел очумело
На того, кто посмел о подобном спросить.
Что за бред? Надо либо сражаться умело,
Либо плакать, валяться в ногах, голосить!

В мире войн обитают насилие и честь,
Победители, жертвы, продажные шкуры...
А вот с этим созданием из мира культуры —
С ним-то как разобраться? Платона прочесть?!

И когда эрудит в парадигмы нырнул,
Всей Европы кошмар Сигизмунд Малатеста
То ли в ужасе, то ли из чувства протеста
Расхотел нападать и войска повернул.

Как же хочется жить возрожденчески бурно,
Грандиозно! Впадая в инсайт, а не в транс.
Чтоб в сердцах, но без зла. Напролом, но культурно.
Мы научимся, люди. Вперёд, в Ренессанс!

**Из цикла
«Экспромты»**

Баллада о числе «шестьдесят»

(к юбилею учёного)

По весёлому льду в золотых огоньках,
На восторги и выкрики не откликаясь,
Чемпион на точёных фигурных коньках
Катит к бортику, о лепестки спотыкаясь.
Он не вжился ещё в победителя роль,
В утомлённом уме кружат пятна и звуки,
Но суровых арбитров спокойные руки
Высоко поднимают оценку «шесть-ноль».

Мы, взрослея, как будто выходим на лёд;
Поначалу у нас разъезжаются ноги,
Но с течением времени каждый поймёт,
Каково не скользить на житейской дороге,
В узловатом сплетенье свобод и неволь
Устоять, не упасть, не разбиться со стоном
И найти в себе мужество быть чемпионом
В час, когда тебе жизнь выставляет «шесть-ноль».

Но в науке законы иные, чем в спорте,
И гораздо сложнее «дорожки шагов».
В ней труднее достичь и в ней проще испортить,
И себя провести через девять кругов,
И рискнуть, и пойти поперёк, а не вдоль,
И подставить себя под лихую секиру,
И опять неустанно доказывать миру,
Что излюбленный балл твой — всё те же
«шесть-ноль».

Фигуристам такое во сне не приснится,
И тускнеют ледовые их письма
Рядом с мыслью, парящей, как дикая птица,
Рядом с разумом, мчущимся сквозь времена,
Через стены и волны, сквозь радость и боль,
Клокоча и листовая эпох многоцветье,
Чтоб, уже миновав середину столетья,
Обомлеть перед высшей отметкой: «Шесть-ноль!»

Ею жизнь говорит: «Исполать тебе, личность!
Затрудняюсь сказать, кто упрямей, чем ты.
За порывы, за технику и артистичность,
За чистейшие линии смелой мечты,
За паденья и взлёты, за сладость и соль,

Да за то, что с тобой воевать я устала,
Восходи, человек, на ступень пьедестала,
Принимай, победитель, в награду «шесть-ноль»!»

Извините, что странные наши стихи
Чересчур патетичны и чуть темноваты:
Нам хотелось уйти от словесной трухи
И не впасть в умиленье от памятной даты.
Сохраните в себе, как секретный пароль,
Наши малопонятные, пёстрые строки
И взгляните иначе на годы и сроки.
Это не шестьдесят. Это просто «шесть-ноль»!

Нетипичное поздравление

Простая арифметика мудра,
Поскольку подарила нам когда-то
Четыре главных смысловых ядра,
Четыре философских результата.

Чтобы весь мир нас на руках носил,
Чтоб жить легко, свободно и отважно,
Потребны сумма знаний, сумма сил
И сумма денег, что немаловажно.

Чтоб быть своим среди любых людей,
Мы учимся ценить своеобразие —
Всех нравов, наций, обликов, идей
Причудливую, красочную разность.

И кажется, что сжалилась зима
И рухнули пугающие стены,
Когда произведение ума
Выходит Афродитою из пены.

Есть, наконец, ещё момент один:
Мы многим можем жертвовать беспечно,
Однако никому не отдадим
То частное, что временно, но вечно.

Внося свой голос в поздравлений шум,
Желаю Вам удачи непреложной,
Желаю Вам произведений, сумм,
Владеть желаю истиной надёжной,

Чтоб жизнь, открытый полная и дум,
Какой бы ни казалась суперсложной,
Как теорема хитрого Ферма,
Для Вас была бы лёгкою весьма!

Песня однокурсников

(исполняется на мотив «Переведи меня через майдан»)

Переведи меня через рубеж,
На «до» и «после» жизнь мою рассекший,
В счастливый год, давным-давно истекший,
К родным стенам и к партам цвета беж.

Переведи внимание своё
На эти лица, слепленные ладно.
Мы были здесь. Мы впитывали жадно
Знакомых слов священное старьё.

Переведи на десять лет назад
Смурного сердца гулкие куранты —
Туда, где разношёрстные таланты
Не ощущали жизненный надсад.

Переведи банальный монолог
На диалект, утраченный с годами,
Чтоб мы на гуще мыслей погадали
И заплатили прошлому налог.

Переведи на вечный счёт любви
Все сбереженья памяти-копилки;
Шагая или стоя на развилке,
Не упускай мгновенья, а лови.

Переведи — в значении любом —
Себя туда, где мощь твоя и крепость.
Вот институт. Я без него — нелепость.
Всем существом в него, как в отчий дом,
Переходи...

Марсианская лирическая

(исполняется на мотив «Ты ждёшь, Лизавета»)

Ты ждёшь, Аэлига,
От друга визита,
Твоё сердце разбито
Космонавтом одним...
Кочует бесценный
По всей по Вселенной,
Но портрет твой всюду вместе с ним!

Скиталец межзвёздный,
Смешной и серьёзный,
Деликатный и грозный,
Облетел целый мир:
С Плутона вернулся,
Вокруг оглянулся —
И тотчас рванул на Альтаир!

На красной планете,
На дымном рассвете
Ты об этом секрете
Размышляешь в тиши,
Но время промчится,
Родной возвратится —
Будет праздник для твоей души!

Год Овцы или Козы

Завершается год, обновляется мир,
И Овца появляется странная.
Она синяя, братцы! Синей, чем сапфир!
А вдобавок она деревянная!

На какой же мотив нам настроить сердца
И какие нам взять обязательства,
Коль у нас в лексиконе «козёл» и «овца»
С давних пор, если честно, — ругательства...

Раз уж этих копытных в наш год занесло,
Предстоит их влиянию поддаться:
Пусть подарят нам кротость свою, и тепло,
И умение нехило бодаться!

Год Обезьяны

Опять дурит календарь восточный:
Овца ушла — а пришёл примат
Шерстистый, наглый, горластый, склочный!
Как будешь году такому рад?

Но вдруг припомнились детства книги,
Легенды дальних и дивных стран
О том, как злу обрывал интриги
Хвостатый праведник Хануман.

Сын ветра, мудрая обезьяна,
Летун, воитель, шутник, борец,
Герой без страха и без изъяна,
Своей чеканной судьбы творец —

Да, этот выведет из тумана...
Желаю вам провести весь год
Под покровительством Ханумана,
В полётах, в подвигах, без невзгод!

Старый Новый год

Грянет старый Новый год в бодрые литавры,
Чудо-музыка прильнёт к золотым словам,
Виновато уползут прошлого кадавры,
И тогда я прокричу: «Люди, счастья вам!»

Десять самых лучших мест города родного,
Десять самых лучших лиц в памяти моей —
Я соединила их, обретая снова
Веру, волю и восторг стародавних дней.

Вы, бесценные мои, у меня повсюду:
В мыслях, в действиях, во сне, в творческом аду...
«Гадом буду!» — скажет вор. Я же — гидом буду!
Протяните мне ладонь, я вас поведу

Через голосистый наш город на Урале,
Через мозговой музей ценного всего,
Через грозный лабиринт чести и морали —
Прямо в вечный пантеон сердца моего.

Про Бориса

(совет)

Ни одной самой бдительной мыслеохране
Не дано воевать с моим мозгом настырным,
Заявляющим в тысячный раз:
Без Бориса пустынно на киноэкране,
Он обязан войти туда в звоне рапирном,
Это будет отрадой для нас!

Он естественен в латах, в парче и в тулупе,
Как с мечом, так и с вёслами он совладеет,
И врагов он нарубит, и дров...
Не найти в нём изъяна и въедливой лупе,
Так пускай же он Жилия Седира сыграет
Среди гриновских вещей миров.

Валентинка по-мужски

Дул норд-вест, и День влюблённых назревал.
Сняв коуху и проклёпанный картуз,
Статный мачо валентинку рисовал,
Опираясь на изысканный свой вкус.

Никаких тебе сердечек со стрелой,
Ангелочков, прочих розовых соплей.
Сантименты с комплиментами — долой!
Хватит сказок! Это жизнь, а не косплей!

Надо, чтоб на валентинке кровь текла
И орёл в полёте крылья распростёр;
Для намёка на любовные дела,
Разумеется, там должен быть костёр!

Мачо знает, что такое красота.
Вырисовывает он от всей души
Тучи, пламя и сурового кота:
Ох, котяры, вы повсюду хороши!

...И вручил он поздравленье зябким днём.
На открытке вместо цветиков и фей —
Крепкокрылый, хмуроликий котофей,
Пролетающий над битвой и огнём.

И пред женщиной своею он застыл:
Цельный, сдержанный, серьёзный, как топор.
Грохотнул вдали «Rammstein», норд-вест завыл,
И она косуху носит с этих пор.

Подвиг

Стояли двое в полутьме, вели беседу.
— Опять ты, милый, о любви не говорил!
За словом нежным мне велишь сходить к соседу?
— Ступай на кухню, ешь. Я борщ тебе сварил.

— Так и не понял ты, как я преобразилась:
Причёска новая, и стан мой похудел,
Твоя зарплата на Versace мне сгодилась!
— Чинил я кран и перемен не разглядел.

— А ну-ка, пёсик мой глазастенький, дай лапку,
Тогда не стану я сердиться, так и быть!
Живей-живей, целуй меня, схвати в охапку!
— Не столь внезапно. Я ведь должен пол домыть.

...Он всё домыл, доремонтировал, дочалил —
И гордо рухнул, словно штурман у руля.
В тот день в семье его счастливой отмечали
Геройский праздник — 23-е февраля.

К вопросу о мужчинах

В связи с почти любой причиной,
Кто сдержанно, кто с матерком, —
Все говорят: «Будь мужиком!»;
Никто не скажет: «Будь женщиной».

Да, массаж нравится брутал!
Он мощен, крут, он не устал,
На нём чумазая дерюга,
Он импульсивная зверюга.

Но если в роли мужика
Ты проявляешься неслабо,
Расплата будет велика:
Тебе достанется (дика

И оглошена слегка),
Увы, не женщина, а баба...

Прошу за то меня простить,
Что мысль моя несовременна,
Но я хочу её ввинтить,
Впихнуть, втемяшить, вколотить:
Мужчина может защитить,
Всё прочее — второстепенно.

К вопросу об оттенках

Знаю, разные бывают увлечения,
Но с недавних пор все дамы будто спятили:
Подавай им боль, терзания, мучения,
Чтобы корчилась душа, как на распятии.

Презираю эту моду идиотскую:
Умилённо обслюнявливать страдания...
Я за радость — хоть духовную, хоть плотскую!
За улыбки, а не кислые рыдания!

Под ликующую скрипку М.Венгерова
Прокалю себя лучами взгляда жаркого.
Мне плевать на пятьдесят оттенков серого.
Я нуждаюсь в десяти оттенках яркого.

Виртуозу

Тот, который умеет всё,
Никого не желает видеть.
Что за тяжесть душа несёт?
Как же надо было обидеть?!

Опротивел оваций шквал,
Сникли фрезии да левкои,
Мозг разгневанно простонал:
«Да оставьте ж меня в покое!»

Так избавилась от толпы,
От ненужного духу скарба
Пилигримка своей тропы,
Несравненная Грета Гарбо.

Но загвоздка известно в чём:
Даже тот, кто себя отрубит
Навсегда игнором-мечом,
Всё же тайно кого-то любит.

Солисту группы «Speseffect»

Как верно выбрано название!
Конечно, перед нами спец:
Знаток соблазна и дерзания,
Крышесносительный певец.

Эффекты рассыпая бешено,
Он весь трепещет, жжёт, искрит,
Крушит, мерцает, в корень зрит;
Душа им смята и утешена.

Он горячо и креативно
Доказывает: жизнь — борьба.
Так награди его, судьба, —
И максимально эффективно!

Касательно моего 45-летия

Коль сказать хотите: «В сорок пять
Всяка баба — ягодка опять», —
Этот спич в уме держите молча.
Если я и ягода, то волчья...

Поздравление со вторым браком

Ждёт вас мир с достатком пополам,
Будет всё легко и плодотворно,
Ибо лучше удаётся нам
То, что совершаем мы повторно.

Первое поздравление Геликону от Валторны

Резкий, как удар под дых,
Но исполненный гармонии;
На двоих самоиронии

И ума на пятерых;
Смесь решительной красоты
С мощным даром убеждения...
Поздравляю с днём рождения!
И да здравствуют басы!

Второе поздравление Геликону от Валторны

Два меломана-эрудита,
Живущих ярко и сердито,
Два ломовых «типичных Драя»,
Пылающих, не выгорая,
Два близоруко-басовитых
Создания,
В единый жгут неволью свитых
Сознания
Несут своё предназначенье,
Как флаг.
Прекрасный тождик, с днём рожденья!
Всех благ!

Третье поздравление Геликону от Валторны

Ему сегодня пятьдесят —
он выглядит на тридцать пять;
Должно быть, голосом своим он направляет
время вспять.
Изящно-цепкою рукой он отберёт у вас покой
И, взглядом пристальным сверля,
понижит гонор до нуля.
Он презирает трёп и пранк, он иногда идёт ва-банк,
И у него особый ранг: forever strong, forever young!

Притча

Эту притчу хранит ларец
Высших знаний. Хранит веками.
Шёл по саду седой мудрец,
Окружённый учениками.

Вдруг раздался надсадный хрип,
Схожий с тьмою или угаром;

Подскочил бесноватый тип
И свалил старика ударом.

Бранью смрадною оскорбил,
Пол-лица разодрал, избил —
В общем, всячески поглумился
И, довольный собою, скрылся.

Шок, безмолвие. Наконец,
Синяки свои потирая
И спокойно на мир взирая,
Снова на ноги встал мудрец.

Боль в груди, окровавлен нос,
Безусловно, очки разбились...
Он встряхнулся и произнёс:
«Так на чём мы остановились?»

Тут спросил ученик один
С быстрым взглядом, едким, как щёлочь:
«Светлых помыслов господин,
Можно я догоню ту сволочь?»

Посмотрел старик на него
(А рука от ухаiba немеет):
«Уважаемый, для чего?
Он беседу вести не умеет».

«Не беседовать я помчусь, —
Кипятится парнишка рьяный, —
Я пинками с ним расплачусь
За поступок его поганый!»

«Нет, — наставник сказал, — о нет...
Понимаем подспудно все мы:
Надавать тумачков в ответ
Глупо. Это — его проблемы».

Что ж, в обыденном коловращеньи
За обидчиком не бежать,
Подниматься и продолжать —
Явно хлеще любого мщенья!

Новый день кружева плетёт,
И сверкают событий нитки...
Дарований у Вас в избытке,
Храбрость есть. И мудрость придёт.

**Из цикла
«Стихотворения в прозе»**

Главное

Ужасающая сила убеждённости в краугольном.
Сокрушительная сила любви к бесценным.
Неугасимая сила ненависти к мерзостным.
Способность качественно и результативно
проклинать.
Вот он, мой скромный боекомплект.

Моя любовь

Люблю здраво и трезво. Без дрожи в руках, без
фанатизма, назойливости и экзальтации.
Почему? Ну, должна же любовь отличаться от
истерики...

Фамилия

У тебя очень странная фамилия. Ни один человек
ещё не избежал соблазна пропесочить её
насмешкой.
Что только с нею не делали случайные знакомые и
добрые друзья! Искажали нечаянно и намеренно.
Воспринимали как аббревиатуру и пытались
расшифровать. Рифмовали с чем ни попадя.
Переводили с нескольких иностранных языков. И
так далее, и тому подобное.
Боже мой, родной, какая у тебя нелепая, дикая, ни
на что не похожая фамилия. До чего же комично
она смотрится...
Надо же чем-то уравновесить твои трагические
глаза.

Сорокалетние

Мужчина суетливо и нервозно обнимает любимую,
та недоумевает:
— Что ж Вы меня так жамкаете, словно полотенце
при стирке? Что ж так теребите, как последнюю
купюру в кошельке?

Внезапно она сама властно его обнимает и подытоживает:

— Вот так Вы хотя бы не дёргаетесь.

Расстановка приоритетов-1

Держа в одной руке белую розу, а в другой отягощённую книгами сумку, шагаю по адской смеси гололёда с чавкающей грязью. В голове простейшая мысль: «Не падать».

Нет, если шмякнусь — переживу, не поморщусь даже!

Розу жалко.

Расстановка приоритетов-2

Он включает телевизор. Бодрая дикторша вопит: «Мезим для желудка незаменим! Христос воскрес!»

Он набирает номер коллеги и ровно произносит:

— Вот я и убедился, в каком порядке сегодня располагаются человеческие ценности.

Ответ

После нелепой ссоры и 24-часовых попыток обойтись друг без друга он звонит мне и говорит каким-то «мокрым» голосом, словно через насморк.

Спрашиваю сквозь зубы:

— Болеете?

Он отвечает:

— Реву...

А знаете, ведь это мужественный ответ.

Старательность

Мне посоветовали ловить момент.

Ловила я его усердно.

Момент верещал и пытался вырваться.

Гордиев узел

Рекомендация «разрубить узел» показалась мне толковой, и я немедленно пошла его рубить.

Итог: шесть сломанных клинков и восторг, вызванный качеством завязывания.

Прочность

Врач, исследовавший меня, воскликнул:

— Кости у Вас очень прочные!

...Поверьте, не только кости.

Знамя

Дует мощный ветер. Иду ещё стремительней, чем обычно, и на этом великолепном ветру развеваются мои волосы, одежда и мысли. В такие минуты я ощущаю себя флагом.

В сущности я и есть человек-знамя на глубоко дышащем ветру.

Просто

В колодце, который вы сейчас видите, пытались утопиться десятки людей.

Сотни рыдают возле него.

Тысячи считают его сакральным.

...А я просто хожу к нему за водой.

Содержание

Из цикла «Тревога и достоинство»	
Защитникам	4
Патетическое танго	4
Девятое августа	5
Непросящие	7
Ежевичное варенье	7
Обращение к ветру.....	9
Дон Кихот, век двадцать первый.....	10
Пара дюжин.....	10
Сочувственный романс	11
Физически	11
На крови.....	12
Этюд по мотивам песни «Storie di tutti i giorni».....	13
Этюд по мотивам песни «Bohemian Rhapsody»	13
Этюд по мотивам песни «Delilah»	14
Тенору.....	14
Большая весна	15
Предпоследний	16
Свидание	17
Маленький панегирик.....	18
Из цикла «Мужским почерком»	
Прогноз.....	20
Монолог приезжего.....	21
Семидесятые	22
Из цикла «На расстоянии»	
Письмо.....	26
Мост.....	27
Подтекст	28
Каникулярный вальс.....	30
Суггестия	32
Из ранних стихотворений	
Песня	34
Апрель	35
Жизнь.....	36
Отрывок	36
Конфликт эпохи Ренессанса.....	37
Из цикла «Экспромты»	
Баллада о числе «шестьдесят»	40
Нетипичное поздравление	41
Песня однокурсников	42
Марсианская лирическая	43
Год Овцы или Козы.....	43
Год Обезьяны.....	44

Старый Новый год	44
Про Бориса	45
Валентинка по-мужски	45
Подвиг	46
К вопросу о мужчинах	46
К вопросу об оттенках	47
Виртуозу	47
Солисту группы «Specseffect»	48
Касательно моего 45-летия	48
Поздравление со вторым браком	48
Первое поздравление Геликону от Валторны	48
Второе поздравление Геликону от Валторны	49
Третье поздравление Геликону от Валторны	49
Притча	49

Из цикла «Стихотворения в прозе»

Главное	52
Моя любовь	52
Фамилия	52
Сорокалетние	52
Расставнка приоритетов-1	53
Расставнка приоритетов-2	53
Ответ	53
Старательность	53
Гордиев узел	54
Прочность	54
Знамя	54
Просто	54

Елена Николаевна Тарасенко Соло валторны

Книга издана с сохранением авторской
орфографии и пунктуации

Выпускающий редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Денис Безлюднев
Оформление серии – Василий Денисов
На обложке рисунок Аси Беловой

Издательский центр МВГ
E-mail: wgmoses@mail.ru
Тел. (3532) 55-41-99.

Подписано в печать 17.11.2016 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Типография «Южный Урал»:
Оренбург, пер. Свободина, 4.
Тел. (3532) 77-04-12.

Тираж 200 экз. Заказ № ____.

Елена Николаевна Тарасенко

родилась в 1971 году в Оренбурге. В 1994 году с красным дипломом завершила образование на филологическом факультете Оренбургского пединститута и вернулась преподавать в родную школу № 34. В 1998 году получила звание учителя высшей категории, в 2002 году – степень кандидата педагогических наук. Сейчас – доцент кафедры философии, культурологии и религиоведения Оренбургского педагогического университета.

Член Союза российских писателей, обладатель Гран-при областного поэтического конкурса «Яицкий мост» под председательством Риммы Казаковой (Оренбург, 1996), победитель литературного конкурса «Оренбургский край – XXI век» в номинации «Автограф» (2011). Автор монографии «Преподавание мировой художественной культуры в общеобразовательной школе», книги для преподавателей и студентов «Искусство театра и учебная деятельность», поэтических сборников «Интонация» (2003) и «Всегда» (2011, серия «Автограф»). Член Союза российских писателей.

